

И. Ф.
АННЕНСКИЙ

Избранное

Иннокентий Федорович Анненский
Речь, произнесенная
в царскосельской
гимназии 2 июля 1899 г.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2826455

Аннотация

«Господа! эти слова невольно приходят мне на ум, в связи с еще живым впечатлением от пушкинских дней, которые мы с вами только что пережили в дружном единении. Они просятся у меня на язык, когда я сегодня отпускаю вас на новый путь. Мне кажется, эти шесть строк, которыми наш великий поэт так глубоко передал двойственность настроения, неразлучную с окончанием долгого труда, должны близко подходить и к вашему теперешнему душевному состоянию...»

Иннокентий Федорович Анненский Речь, произнесенная в царскосельской гимназии 2 июля 1899 г.

*Миг возделенный настал. Окончен мой труд
многолетний.*

*Что ж непонятная грусть тайно тревожит
меня?*

*Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик
ненужный,*

Плату приявший свою, чуждый работе другой?

*Или жаль мне труда, молчаливого спутника
ночи,*

Друга Авроры златой, друга пенатов святых?¹

Господа! эти слова невольно приходят мне на ум, в связи с еще живым впечатлением от пушкинских дней, которые мы с вами только что пережили в дружном единении. Они просятся у меня на язык, когда я сегодня отпускаю вас на новый путь. Мне кажется, эти шесть строк, которыми наш великий

¹ Миг возделенный настал... – Стихотворение Пушкина «Труд» (1830).

поэт так глубоко передал двойственность настроения, неразлучную с окончанием долгого труда, должны близко подойти и к вашему теперешнему душевному состоянию. Я уверен, что, по крайней мере в настоящую минуту, сквозь горделивое сознание успеха, сквозь отрадную перспективу отдыха и все соблазны новизны у вас пробивается струя невольной грусти; вам жалко расстаться с этими стенами, жалко завершить пору вашей жизни, хотя она отличалась в нашей среде суровым, местами, может быть, даже горьким трудом.

Говоря здесь от лица ваших наставников, я не могу не сознаться, что и мои чувствования в настоящую минуту смутны. Я радуюсь вашим успехам, горжусь новым результатом труда моих сотоварищей и вместе с тем испытываю некоторый страх, выпуская вас из-под опеки.

Откуда этот страх? Я боюсь не за то, что вы мало знаете и недостаточно приучены к труду. Хотя результаты наших совместных трудов, может быть, и очень скромны, но вы поступаете в высшую школу во всяком случае с лучшей подготовкой, чем та, которую некогда туда приносили мы, ваши наставники.

Я не боюсь и за вашу серьезность: вы понимаете ответственность взрослых людей, которой вы подвергаетесь, перестав быть учениками средней школы. Я вполне уверен, что вы будете дорожить тем правом продолжать свое образование, которое сегодня за вами укрепляется: не даром же вы столько работали для получения этого права, не даром столь-

ко трудились и, может быть, не раз болели за вас сердцем ваши родители, недаром, наконец, вы уносите отсюда часть нервной и мозговой силы которую ваши наставники вложили в трудное, медленное и ответственное дело вашего развития.

Может быть, некоторые из вас выбрали свою будущую специальность ощупью и потеряют год на исправление ошибки, – этого я тоже для вас не боюсь, потому что ошибка случайная и поправимая не есть еще зло.

Я боюсь, что прервется та нравственная работа над *самопознанием и самоопределением*, которая началась для вас, по крайней мере для многих из вас, в гимназии под влиянием великих книг классического мира, в общении с Ксенофонтом, Платоном и Софоклом. Вы знаете из того, что мне уже приходилось говорить вам, что я не ценю особенно высоко заботы о пополнении так называемого *общего образования* путем чтения популярных книг по истории, астрономии или физиологии: к науке надо относиться интенсивно, а не экстенсивно, по крайней мере надо всегда помнить, что первое отношение безмерно выше и ценнее второго. Но вы можете мне сказать, что уже самоопределились, выбрав по своим вкусам, наклонностям или способностям ту или другую специальность. Нет, господа, дело *самоопределения* есть медленная, кропотливая работа; мы старались вложить в ваши сердца только зерна самоопределения и будем счастливы, если в вашей дальнейшей жизни совершится их произрастание. Признаками этого серьезного процесса должна

быть осторожность ваших суждений, желание *властвовать не над другими, а над самим собой*, контроль над собственным душевным миром, причем вы должны чуждаться решительных, категорических и безоглядных определений.

Вам предстоит теперь превосходный способ вести дело *самопознания* и самоопределения, приобщаясь мало-помалу высокой научной работе, которая равно ценна во всех областях человеческого знания.

Старайтесь же поставить себя в такие условия, чтобы ничто не мешало вашим занятиям наукой. Помните, что, кроме логической своей ценности, наука и научные занятия обладают еще исключительным свойством успокаивать совесть человека и что они помогают каждому мыслящему человеку понять и исполнить истинное свое назначение.

Не все из вас, конечно, сделают впоследствии, по выходе из университета, научные занятия центром своей деятельности, но дай бог каждому из вас воспитать в себе убеждение, что только в строгой науке лежит вечный источник совершенствования и каждого человека и мира; дай бог, чтобы в ваши сердца никогда не вкрадывался стыд признать себя учениками, если судьба не даст вам сделаться учеными.

Тот великий поэт, юбилей которого совпал с вашими последними школьными днями, пусть остается для вас навсегда путеводной звездой.

Знакомясь ближе с творчеством и биографией Пушкина, мы убеждаемся, что и он переживал трудную работу само-

определения и постоянно совершенствовал свои создания. Только гений скрыл от нас суровые болезненные стороны этого процесса, кристаллизуя пушкинские творения в законченные и совершенные формы.

Но пора кончить. Желаю еще раз и от всего сердца, чтобы каждый из вас нашел в жизни любимый, захватывающий его труд, не оставлял при этом никогда работы над самопроверкою и самосовершенствованием на почве высших духовных стремлений и особенно науки.